

Русская антропологическая школа
Российского государственного гуманитарного университета
Новый институт культурологии
(Автономная некоммерческая организация по развитию исследований и проектов
в области культуры и искусства)
Государственный фонд кинофильмов РФ

ТЕЗИСЫ УЧАСТНИКОВ

Международной научной конференции

Silva rerum culturae: viae personaliae

К проблеме становления и развития научных дисциплин гуманитарного профиля

(Московская область, г. Домодедово, микрорайон Белые Столбы,
Фестивальный Центр Госфильмофонда РФ,
8-10 сентября 2016 г.)

Конференция проводится при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект 16-03-14150)
Нового института культурологии
Польского культурного центра в г. Москве

Тезисы публикуются в авторской редакции

«НЕРОЖДЁННАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ».
ИСТОКИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ:
АКАД. Н.Я. МАРР И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКЦИИ ГЕНЕТИКИ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Говоря о Н.Я. Марре, обычно вспоминают лишь заблуждения т.н. «нового учения о языке», «марризм» и обычно именно с этими явлениями отождествляют Марра и всё его научное наследие. Такой подход мне представляется совершенно несправедливым и в корне неверным. Крайне односторонне выглядит и та точка зрения, которая высказана В.М. Алпатовым, поскольку его однозначно негативная оценка касается лишь характеристики Марра как лингвиста. Я не лингвист, поэтому воздержусь говорить о лингвистических штудиях этого учёного (полагаю, что в статье академика В.И. Абаева к 100-летию со дня рождения Марра со всей убедительностью уже были расставлены «все точки над i»). Интеллектуальное наследие Н.Я. Марра гораздо шире, глубже, интереснее и сложнее, нежели это обрисовано Алпатовым. В результате последовательно одностороннего анализа у Алпатова получается какое-то клише, карикатурный образ, штамп и не более того. Такой подход не дает ничего кроме изначально предзаданной цели – раскритиковать. И Алпатов совершенно справедливо критикует, но... не Марра, а *марризм*, который, как и все прочие порождения сталинизма, действительно «реабилитации не подлежит». С Марром все обстоит совсем не так просто, как с марризмом. И чтобы попытаться разобраться, необходимо поставить проблему *понимания* личности и наследия Марра. Алпатовым эта проблема не ставится, им абсолютно игнорируется специфика творческого темперамента Марра, трагичность и ответственность ситуации, в которой тот оказался в послереволюционные годы, а также многогранность и многонаправленность его интеллектуальных поисков, неравномерность и неравноценность достигнутых научных результатов. В частности, Алпатовым ничего не говорится об историко-культурологическом пласте в наследии Марра, а вклад его в этой области представляется весьма примечательным и недооцененным до сей поры. В докладе предпринята попытка охарактеризовать вклад академика Марра в исследования по истории культуры и формирование культурологического подхода к ее изучению.

В докладе обращается особое внимание на колоссальные целенаправленные усилия Марра по созданию различного рода институций по изучению культуры и культурологическом уклоне в их исследовательской деятельности. Так, например, знакомясь с уставом ГАИМК и анализируя архивные документы о научной работе этого учреждения, можно подумать, что оно создавалось в значительной мере как Институт культурологии и даже больше – как *Академия культурологии*. Кроме того, это учреждение изначально задумывалось не как один из институтов в рамках АН СССР, а как самостоятельная академия. Марр и его единомышленники находили изучение культуры столь важным, что считали необходимым для этого создать вообще отдельную полномасштабную академию.

Делается вывод о том, что интеллектуальный альянс учёных, сложившийся благодаря Марру в ГАИМК, дал бы ту точку роста, которая уже в 1930-х годах привела бы к формированию в нашей стране культурологии. Для этого уже сложился целый ряд необходимых предпосылок: был осознан научный и общественный запрос на эту новую отрасль знания, сформирован междисциплинарный коллектив специалистов мирового уровня, намечен круг изучаемой научной проблематики, предложены методы ее исследования, созданы институциональные формы научной работы и т.д. Однако советизация и догматизация отечественной науки, сталинские репрессии 1930-х гг., а затем

и война в значительной мере прервали в нашей стране развитие почти всех направлений по полноценному изучению культуры, в т.ч. и столь успешно начатые культурологические исследования в ГАИМК.

Вешинский Ю.Г.

КОНЦЕПЦИЯ ГРАДОУСТРОЙСТВА И ГРАДОФОРМИРУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТЬЯНЫ МИХАЙЛОВНЫ ГОВОРЕНКОВОЙ И ЕЁ СУДЬБА

Мой доклад будет посвящён творчеству Татьяны Михайловны Говоренковой (1937-2003), которая проработала в МАрХИ более 20-ти лет, фактически руководя факультетом переподготовки, и которую сегодня в МАрХИ почти никто не помнит. Особое место в её творчестве занимает концепция градостроительства, которое понималось ей и понимается её научными единомышленниками и учениками, как нечто существенно отличающееся от градостроительства в его советском понимании. Советское градостроительство, как разъяснила мне в своё время Т. М. Говоренкова, было неразрывно связано с централизованным директивным планированием «сверху вниз», будучи детищем Госплана. Оно оформилось в этом своём виде после так называемого «великого перелома», когда, на фоне процессов против спецов-вредителей (процесс Промпартии, Шахтинское дело и т. д.), особенно зловещий смысл приобрело слово «инженерье».

Сейчас почти никто не помнит, что отечественное градостроительство было «заточено», прежде всего, на ПОСТРОЕНЕ КОММУНИЗМА! А теперь его творцы, внезапно ставшие из советских сильно «православными», ТЕМИ ЖЕ САМЫМИ МЕТОДАМИ готовы строить и элитное жильё, и «Русский мир», и что угодно ещё (лишь бы деньги платили!).

В концепции градостроительства и градоформирующей деятельности центральное место занимает идея органического развития городов в процессе взаимодействия социокультурных, экономических, административно-политических, научных и технических факторов их сложения.

«Градостроительство», которое у нас в архитектурной среде и до сих пор считается «альфой и омегой» в формировании городов, в англосаксонских странах, например, вообще отсутствует! Там есть «urban planning». И к нему, как писал покойный В. Л. Глазычев, архитекторов по диплому вообще не допускают. Это – совсем другая профессия. В прошлом и в России в формировании городов главную роль играли, как и сейчас на Западе играют, врачи, юристы, гражданские инженеры, предприниматели и их объединения и т. д., то есть все те, кого принято называть гражданским обществом.

Как рассказывала мне Т. М. Говоренкова, Генеральный план раньше так назывался не как производное от слова «генерал», т. е. самый главный и находящийся «наверху», а как обобщение (от французского слова *general* – общий, обобщённый), то есть - соединение, «сборка» частных планов, сформировавшихся «внизу». Представляет интерес её давний рассказ мне о том, что ещё в дореволюционные времена, в соответствии с городским законодательством, здание, которое предполагалось построить, было уже как бы «построено» в воздухе в виде контура с определённым силуэтом. Как далеки мы сегодня от этого, и что стало с силуэтом центра Москвы ещё в советские времена и, особенно, в последние годы!

Стоит, кстати, отметить, что между РААиСН и РАН существует почти полное взаимное непонимание по языку описания одних и тех же явлений. И нет особенного желания со стороны РААиСН найти общий язык с РАН. Отношения между РАН и РААиСН или отсутствуют, или они друг друга не замечают. Необходимо, изменить соотношение между науками – управления (власти) на основе инженерных расчётов и архитектурной

эстетикой. Архитектор не должен иметь власть, а инженерный расчёт должен стать основой принятия властных решений.

Следует отметить, что в своих воззрениях на градостроительство и на градоформирующую деятельность Т. М. Говоренкова значительно опередила и большинство наших архитекторов-градостроителей, склонных к нарциссизму и «архитектурному волюнтаризму». Они, как правило, считали и до сих пор считают, что именно они и понимают, как должны жить все «несознательные обыватели». Но город не может быть таким же симметричным и статичным, как фасад (а многие архитекторы именно так его воспринимали и проектировали), что это – живой организм, живущий по сложным законам, которые надо изучать.

От покойной Т. М. Говоренковой я узнал и о том, что в 1910 г. на международной муниципальной выставке в Риме, Москва получила золотую медаль как самый благоустроенный город мира, и о том, что широко употребляющееся у нас сегодня словосочетание «социальная защита» в 20-30-х гг. фигурировало в контексте: «Приговорить к высшей мере социальной защиты - расстрелу». От неё я узнал и о том, что Москву в советские времена (со времён «великого перелома») нарезали клиньями, как торт, потому, что город нарезался не под райсоветы, а под райкомы. Это делалось для того, чтобы в каждом административном районе было примерно равное число членов партии, которых в центре было больше, чем на окраинах.

Она была ученицей и биографом одного из последних наших гражданских инженеров А. М. Якшина. Именно работа над биографией своего учителя побудила её заняться историей исчезнувшей профессии гражданских инженеров. Она была пропагандисткой идей крупнейшего специалиста по местному самоуправлению в России Л. А. Велихова (1875-1942). Он умер в 1942 г. в Березняковском исправительно-трудовом лагере.

Будучи кандидатом технических наук и так и не став доктором, она неизменно и заслуженно упоминается как «бабушка российского самоуправления». Она много лет рисковала (и не только собой!) сохраняя у себя дома книги запрещённых авторов - гражданских инженеров. Она дважды работала в уже упразднённом ЦНИИП градостроительства, но дважды была вынуждена уходить оттуда. Она много лет практически руководила факультетом переподготовки кадров в МАРХИ, но её фактически выгнали оттуда и сейчас её там, как было выше сказано, почти никто не помнит.

Она была одной из вдохновительниц и членов редколлегии уже не выходящего журнала «Муниципальная власть». Она умела не только информативно и умно, но и очень ярко и художественно писать, а её устные выступления люди увлечённо слушали часами. Записи её лекций расходились по всей стране, её мысли цитировали и цитируют многие «привластные» люди, забывая упоминать её фамилию, а сейчас, кстати, даже нет статьи о ней в Википедии и нигде нет Говоренковских чтений.

Гафурова З.Р.

УМБЕРТО ЭКО И СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Умберто Эко – одна из ключевых фигур эпохи становления Cultural Studies во второй половине XX века. Это положение достигнуто им не только фундаментальными научными изысканиями, а скорее выходом за их пределы, в область массовой культуры. Умберто Эко удалось сделать объекты культуры объектами массовой современной культуры, тем самым наглядно продемонстрировав актуальность Cultural Studies. Вот почему суждения (положения) профессора о развитии культурных исследований имеют важное значение для понимания специфики и, одновременно, универсальности культурологии.

Эти положения, изложенные ниже, «выужены» из некоторых интервью Умберто Эко и, прежде всего, из его известного разговора с А.Ритупсом в 2002 году.

Нужно помнить, что во все времена существовала и существует научная (и литературная) мода, от которой следует отличать действительно научное движение (направление).

Эти направления возникают как новые повороты в научных или философских программах.

Повороты необъяснимы, но они случались, случаются и будут случаться.

Повороты (идеи) не возникают из ничего. Они возникают благодаря новым сочетаниям старых идей. Такое комбинаторное понимание идей.

Любая действительно новая идея (направление, поворот) не является какой-то отдельной наукой, а становится особым взглядом на мир, позволяющим применить ее инструментарий к огромному количеству явлений.

Этот особый взгляд (подход) не применяет единого (или ограниченного) канона, то есть общего, приведенного к единообразию, языка, единой терминологии, единых источников и объектов.

И, наконец, завершающее положение, которое одновременно исполняет роль исходного, о том, что внутри научного универсума важна коммуникация.

Голованивская М.К.

ДИАЛЕКТИКА МЯСНОГО И МОЛОЧНОГО В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУРАХ

Мясное и молочное противопоставлены друг другу как смерть\ жизнь; мужское\женское, старое\молодое, земное, плотское\ святое, небесное и пр, и на этом строится ряд ритуальных запретов связанных с мясом и молоком, но при этом присутствует и их диалектическая взаимосвязь в ритуале потребления, в мифе, и в культуре.

Головнёв А. В.

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ: ПАСЬЯНС МОТИВОВ И ИДЕЙ

С тех пор как Геродот в V в. до н. э. создал свою обильную «этнографизмами» историю, сочетая мотивы эллинской колонизации и собственного пограничного самоопределения (галикарнасца на границе Греции и Персии), мало что изменилось. Принято считать, что наука антропология родилась в середине XIX в. в лоне европейского эволюционизма. Между тем в России народоведение сложилось веком ранее в трудах Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа и, особенно, И. Г. Георги. Российская этнография и западная антропология расходятся не только по времени рождения, но и по мотивациям и практикам. Российское народоведение рождалось как эмпирико-практическое знание, заданное целями самопознания и организации империи: Екатерина II силами академиков-немцев проводила инвентаризацию имперских ресурсов, в том числе человеческих. Европейская наука о человеке и народах тоже рождалась «в тени колониализма» (по выражению К. Леви-Стросса), но приобрела облик не эмпирической этнографии, а универсальной антропологии. Российское народоведение фокусировалось на отдельном народе и имперской палитре народов, тогда как западная антропология синтезировала общий ход эволюции человечества из фрагментов разных культур. Иначе говоря, главным героем российской этнографии выступал конкретный народ, западной антропологии — универсальный человек.

Каждый из классических научных методов был в свое время самоутверждением исследователя (через опровержение предшественников) и ответом на ситуативный общественно-политический вызов. Мультипликация методов сопровождала антропологию с ее истоков. На фундаментальные эволюционистские труды (Л. Г. Морган, Э. Тайлор) последовали ответы релятивизма (Н. Я. Данилевский) и антропогеографии (Ф. Ратцель). Эволюционизм, породивший науку или бывший ее первенцем, создал рациональную картину мира в противовес креационизму и стал, вопреки своим притязаниям на монополию знания, отменой этой монополии. Например, Дж. Фрэзер увлек современников не только стройной систематикой (за что его сравнивали с Дарвином и Монтескье), но и креативной мотивацией, вдохновившей З. Фрейда на психоаналитическое толкование амбивалентности табу, Б. Малиновского – на изучение магии и мифов островитян Океании, С. Эйзенштейна – на осмысление «магии кино».

К концу прошлого века науки о человеке и народах в основном очертили круг своих возможностей и притязаний, обилием ракурсов и теорий достигнув едва ли не точки пресыщения («состояния постмодерна»): «Против метода» – назвал свою книгу П. Фейерабенд, автор концепции «эпистемологического анархизма». Научная мысль развернулась от метатеорий к практикам (П. Бурдьё) и обзавелась мультиметодологическим «ящиком с инструментами», пригодным как будто на все случаи жизни. Однако познанная, казалось бы, жизнь вдруг понеслась в неведомые сферы (в том числе кибер-пространство), чуть не забыв прихватить с собой науку о человеке, вынужденную спешно на ходу обновлять заготовленный инструментарий – прежде всего за счет синтетического языка исследования, сочетающего текстово-визуально-информационные технологии.

Кантор В.К.

ДРЕВО ЖИЗНИ И ЛАПТИ ОБЛОМОВА

Я сейчас пытаюсь переписать Чернышевского, который не только не звал Русь к топору, а пытался остановить русский бунт, дать свой вариант своего рода протестантской веры на русской почве. Напомню слова Розанова о НГЧ: "В сущности, он был как *государственный деятель (общественно-государственный)* выше и Сперанского, и кого-либо из "екатерининских орлов", и бравурного Пестеля, и нелепого Бакунина, и тщеславного Герцена. Он был действительно solo.<...> Это -- Дизраэли, которого так и не допустили бы пойти дальше «романиста», или Бисмарк, которого за дуэли со студентами обрекли бы на всю жизнь «драться на рапирах» и «запретили куда-нибудь принимать на службу». Черт знает что: рок, судьба, и не столько *его*, сколько *России*. <...> Поразительно: ведь это - прямой путь до Цусимы. Еще поразительнее, что с выходом его в *практику* - мы не имели бы и *теоретического нигилизма*.

В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни: но - взяли да и срубили его. Срубили, "чтобы ободрать на лапти" Обломову...» а В.С. Соловьёв называл его **ПОДЛИННЫМ РУССКИМ СВЯТЫМ**. и особая тема, что идея разумного эгоизма родилась из евангельской этики (это безумно интересно) это **ПОЛНЫЙ ПЕРЕСМОТР ЛИНИИ РУССКОЙ МЫСЛИ**.

Карпенко Л.Б.

МИФЫ СОВЕТСКОЙ НАУКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В кругу культурологических проблем вопрос о возникновении восточнославянского письма сохраняет дискуссионность. В последнее время увеличивается количество публикаций, утверждающих наличие письма у восточных славян в докирилловскую эпоху и связывающих его с глаголицей. Причиной появления мифосюжетов на тему о русских корнях глаголицы послужила идеологическая ангажированность научного поиска, ориентированного на поиски «своего письма». Цель доклада – показать истоки таких утверждений, берущие начало в позиции историков письма советского времени.

Отечественные палеографы и слависты XIX в. и начала XX в. связывали начало русской письменности с крещением и учреждением церковной организации на Руси. Согласно этой традиционной версии, вместе с крещением древние русичи получили от южных славян кириллицу, более ранняя глаголица (появление которой после публикаций В.И.Григоровича, П.Й.Шафарика, В.Н.Щепкина и др. определенно связывалось с деятельностью св. Кирилла Философа) была известна в Древней Руси, хотя не имела широкого распространения.

В послевоенный период минувшего века в советской гуманитаристике по данной проблеме была сконструирована версия, напоминающая своей радикальностью идею поворота сибирских рек. Роль церкви в появлении письменности у восточных славян была критически переосмыслена, советская наука в поисках культурной самоидентичности, утверждала наличие у восточных славян еще в дохристианскую эпоху своей письменности, даже не одной, а нескольких азбук, в том числе и глаголицы, которая преподносилась как самобытное восточнославянское письмо.

Столь кардинальное изменение взглядов в конце 40-х - начале 50-х гг. так или иначе явилось следствием влияния идеологии, ориентирующей на поиски «своего» письма, «от своих корней». В согласии с идеей «потребностей государства» историки литературы и письма выдвинули версии многоалфавитности восточнославянской письменности и существования в древности восточнославянской протоглаголицы (Д.С.Лихачев, В.А.Истрин и др.). В публикациях, упоминавших в соответствии с духом времени статью И.В.Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.), наука, которая не выделяла особняком письма восточных славян, была определена как «старая», а роль церкви в возникновении славянского письма – как «подсобная, не основная». Так эпоха сказала на развитии научной мысли.

Поддержанная видными нашими учеными, идея восточнославянского протоглаголического письма на волне популярности, вызванной патриотическим мотивом, получила распространение в 1960-70-е годы. Не имея под собой объективных данных, она на многие годы отвлекла советских исследователей от изучения культурно-исторического контекста.

Сегодня междисциплинарный комплексный культурологический и семиотический подход проливает свет на природу начальной славянской азбуки.

Литература:

1. Лихачев Д.С. Несколько замечаний о возникновении русской письменности //Д.С.Лихачев. Возникновение русской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 21.
2. Истрин В.А. Развитие письма. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.258–318.

Лисенкова А.А.

ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОКАТЕГОРИЗАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

В современных условиях неконтролируемого роста коммуникативных практик, расширения границ информационного пространства, скорости и плотности информационного потока люди все в большей степени склонны к поискам новых форм

самокатегоризации в различных плоскостях и сферах повседневности. Особую роль в этом процессе сегодня занимают виртуальные сообщества в социальных сетях. Пользователи социальных сетей в поисках круга «близких» / «своих» и персональной идентификации прибегают к различным способам самокатегоризации, часто попадая под влияние различных способов воздействия и манипулирования (положительного и отрицательного). Этот процесс интенсифицирует разнообразные эффекты для пользователей сетевых сообществ и групп.

По мнению К. Хафнера в эпоху всеобъемлющей дигитализации повседневности и социальных отношений актуализируется со-конструирование идентичности в виртуальном пространстве. Множественность и размытость персональной идентичности (текучая, коллажная, мозаичная идентичность) в обществе, подталкивает индивида к поиску своих защищенных групп. Наиболее очевидно и ярко эта тенденция прослеживается в молодежных комьюнити. В условиях длительной турбулентности всех процессов, постоянных изменениях люди пытаются объединиться вокруг привычных им источников идентичности: национальных, культурных, религиозных, гендерных, и т.п. в поисках новых идей, смыслов, доверительного круга «своих» в стремлении встроиться в современный плотный информационный мир.

В попытках самокатегоризации и самоопределения, так называемой «народной таксономии» (фолькосомии) пользователи пытаются не только соотнести себя с классами аналогичных событий, объектов, действий, но и противопоставить собственные ценности, оценки, интересы, взгляды по отношению к «другим». Таким образом, параллельно включая себя в социум и выделяя из него, в качестве индивидуальности.

Эта тенденция, в зависимости от умения критически анализировать окружающее пространство приводит к разнообразным последствиям от агрессии по отношению к «другим» к агрессии, направленной на самого себя, порождая все большую дивергенцию и сегрегацию в обществе.

Овчинникова Т.Н.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА С МИРОМ КАК ОСНОВА ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В настоящее время в России развитие гуманитарного знания очень актуально. Но в основе этого знания лежат не столько знания литературы, истории, искусства и пр., сколько способность взаимодействия с людьми, их понимание, и, конечно, способность управлять собой, т.е., способность развиваться и учитывать это при взаимодействии с живым развивающимся миром.

Все было бы просто при благоприятных условиях для развития человека, но, видимо, отсутствие такого опыта в истории развития России, не позволяет изменить уже отработанные ранее стереотипы. И гуманитарные науки здесь могут сыграть решающую роль.

В современной России можно наблюдать своеобразные взаимоотношения социальной и психологической реальностей. Человек, будучи развивающимся существом, оказывается включенным в жесткие социальные рамки системы, работающей по разным законам. Логика развития этих двух систем, - органической и механической, - диаметрально противоположна. (см. 4, 5.) Особенно явно этот конфликтный характер взаимоотношений проявляется в сферах деятельности, направленных на работу с людьми (образование, медицина, наука, культура и пр.)

И, однако, выстроить благоприятные условия для развития Человека в таких условиях все же можно, если, расставив необходимые приоритеты, учитывать особенности развития, как субъекта, так и объекта. Мы видим такую возможность в выстраивании взаимоотношений и взаимодействий человека с окружающей его средой, если положим в

основу положения диалектического подхода к пониманию человека (Э.В.Ильенков, А.С. Арсеньев, В.С. Библер, Ф.Т. Михайлов), где субъект рассматривается как саморазвивающаяся открытая система.

Развиваясь при нормальных условиях по логике органических систем, человек вынужден взаимодействовать с окружающим его миром, который развивается по иным законам логики механических систем.

«Сами понятия «органического» и «неорганического» (механического) могут быть отнесены не только к каким-то объективно существующим предметам и системам, но также к способам мышления, восприятия и понимания мира. Это как бы два различных подхода, два различных взгляда на мир, понимания мира, и, соответственно, его познания» (А.С. Арсеньев, 2001, с. 127).

Так, органическая система является саморазвивающейся, проходящей различные фазы и ступени развития, что являет собой развитие реального живого существа. Его развитие начинается с целого, как правило, с одиночной клетки, где еще не дифференцированы ни органы, ни ткани. В любом живом существе господствует детерминация целым своих частей, где целое предшествует частям. Итак, «каждая органическая система развивается, будучи детерминирована двумя противоположными способами: детерминацией, идущей из прошлого, - причиной, и детерминацией, идущей из будущего, - целевой. При этом, детерминация целевая должна иметь определенные преимущества, быть, так сказать, первичной по отношению к детерминации причинной, ибо в противном случае не было бы эволюции от прошлого к будущему.» (Арсеньев, 2001, с.131).

В неорганической системе, примером которой может быть любой неодушевленный предмет (вещь), наоборот, определенная конструкция из частей, соединение этих частей детерминирует собой свойства полученного целого. Рассматривая мир как механическую систему, мы можем иметь дело лишь с причинными зависимостями, где главенствует детерминация прошлым, которая автоматически переносится в те области и сферы деятельности, где осуществляется работа с живыми людьми (медицина, образование, культура и пр.) Поскольку человек – живое саморазвивающееся существо, то, будучи включенным в работающую по особой логике механических систем государственную машину, он, действительно, оказывается лишь средством для ее работы.

И, если для развития различных сфер промышленности, производства различных товаров характерна логика механических систем, где господствуют причинно-следственные отношения, то развитие сфер культуры, науки, медицины, образования и пр. при благоприятных условиях происходит по логике органических систем, ориентированной на развивающиеся потребности живых людей, направленной в будущее, для достижения поставленных целей.

Система, где центральное место занимает живой постоянно развивающийся человек, выстраивается изнутри, как бы постепенно «прорастая» и определяя особенности развития субъекта и его взаимоотношений с окружающей средой. Только в этом случае система будет органична, будет соответствовать развивающимся запросам человека, общества, коллектива, открывая людям возможности реализации их сил, являясь их достоянием. Однако, современное общество постоянно воспроизводит отработанные ранее отношения, реализуя прежнюю советскую схему отношений, между людьми и властью, где отсутствует обратная связь с народом.

В обществе, где причинно-следственные отношения господствуют и считаются «истиной в последней инстанции», ни о каком развитии речи быть не может, - возможна лишь адаптация, которая называется стабильным развитием, и ведет к деградации населения. (см. криминал и пр.).

С целью предотвращения такой ситуации необходимо постепенно включить в обучение и воспитание детей целенаправленную деятельность, способствующую развитию смысловой сферы сознания (деятельности) субъекта. Развитие же этих возможностей

необходимо начинать с детства, как это делается в школе развивающего обучения В.В. Давыдова, в школе «Диалога культур» В.С. Библера.

Подводя итог сказанному выше, хочу подчеркнуть, что изменить создавшееся положение в стране, может только гуманитарная наука путем постепенного изменения сознания у населения.

Литература.

Арсеньев А.С. «Философские основания развития личности». М., 2001.

Библер В.С. «От наукоучения к логике культуры». Два философских введения в двадцать первый век.», М., 1991.

Ильенков Э.В. «Школа должна учить мыслить», М.-Воронеж, 2002.

Овчинникова Т.Н. «Развивающийся человек в меняющемся мире» // ж. «Психотерапия», 2013, № 4.

Овчинникова Т.Н. «Столкновение двух систем в социально=экономическом пространстве России. // жю Психотерапия», 2015, №1.

Одесский М.П.

ГНОСТИЧЕСКИЙ СЛЕД В "ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКЕ"

А.Н. ВЕСЕЛОВСКОГО

В докладе анализируется мировоззренческая компонента «Исторической поэтики» А.Н. Веселовского, которую он называл «вопросом о религиозном дуализме, о противоположности доброго и злого начала». Веселовский в относительно ранней монографии «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине», рассматривая миграцию литературных сюжетов, пришел к выводу о принципиальном значении гностических учений (прежде всего, славянской секты богомилов) для Западной Европы и Древней Руси. Ученый даже утверждал, что дуалистические учения стали первым важным вкладом славян в «общеевропейскую жизнь». Позднее Веселовский пришел к выводу, что «богомилство как поздняя ересь питалось и древними верованиями, и готовыми мифами», то есть принял поправку на полигенетичность мигрирующих сюжетов. С этой точки зрения, учение о мотивах в «Исторической поэтике» Веселовского может интерпретироваться как изучение законов литературной эволюции, благодаря которым «дуалистическим» оказывается текст, сотканный из «недуалистических» мотивов. Показательно, что постоянный интерес Веселовского к гностицизму оказал влияние на идеологические искания «серебряного века» (А.М. Ремизов).

Пархоменко Т.А.

ЛИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРА – ВЗГЛЯД ИСТОРИКА ИЗ XXI ВЕКА

Личность как объект социально-исторического развития и как субъект историко-культурной деятельности; личностная представленность истории и культуры; понятие личности в европейской культуре разных эпох; гуманитарные науки, (*humanitatis studia*), «науки о человеке» как основа и связующее звено наук «о культуре» («*Kulturwissenschaft*»), «о духе» (*Geistwissenschaft*), «о природе» (*Naturwissenschaft*) и «истории как науки»; агиография, биографика и микроистория; новый взгляд на историографию и исторические источники, источники личного происхождения и памятники культуры.

**«ВКЛ/ВЫКЛ»: НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ФИКСАЦИЕЙ
«САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СЕБЯ КАК КУЛЬТУРОЛОГОВ» В
СООБЩЕСТВЕ МАГИСТРАНТОВ РГГУ**

Сформулированная в информационном письме задача «рассмотрения становления и развития культурологии как научной дисциплины на основе просопографического подхода...» представляется мне очень продуктивной. «Анализ жизненных и профессиональных траекторий представителей определенной научной группы (школы)», интерес к «тем моментам научной биографии исследователей, когда они почувствовали необходимость выйти за пределы «своей» дисциплины» - несомненно, центральный элемент такого просопографического подхода. Мне кажется, однако, что биографии отдельных состоявшихся ученых или даже сообществ – очень достойный, но не единственный материал для такого изучения.

Сопоставимо интересным будет задать аналогичный вопрос студентам: «Считаете ли Вы себя культурологами? В какой момент или в связи с какими обстоятельствами Вы это для себя таким образом определили? Независимо от того, как Вы отвечаете на этот вопрос применительно к себе лично – как Вы определяете это “быть культурологом” применительно к однокурсникам, преподавателям и другим?».

Кроме этого, мне представляется допустимым и феноменологический, или, если угодно, интроспективный подход - задать этот вопрос себе самому. Как получилось, что я определяю или не определяю себя самого как культуролога; какие соображения имеют здесь значение, помимо формально-институциональных.

Предполагаемое на конференции выступление, видимо, станет или попыткой поразмышлять об ответах студентов, если к началу сентября эти ответы получится собрать в достаточном количестве, и они будут предоставлять достаточно материала, или какой-то структурированной саморефлексией, которая будет иметь смысл в той степени, в какой сподвигнет коллег на сопоставление с собственным опытом.

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ В СИЛОВЫХ ПОЛЯХ НАУКИ И
ПОЛИТИКИ**

В докладе анализируется моя индивидуальная траектория от математики, которой увлекался с детства, к интересу к кино в контексте французской новой волны и чтения Базена и журналов *Positif* и *Cahiers du cinéma*, через идиотские вступительные работы во ВГИК под воздействием идеологической конъюнктуры к советскому контексту. Через историзм, которому меня учили в МГУ, и западный марксизм, который в 60-е гг. XX века был в моде, а на рубеже десятилетий расслоился на маоизм, догматизм и евромарксизм. Я органично вписался в критику традиционного искусствоведения, интерпретационной критики и эссеизма (прелести которого я позднее понял) с позиций структурализма, моды на Иванова, Лотмана и Тартусскую школу, семиотику и математическую лингвистику (о чем будет специальный доклад С.Серебряного), и далее Фрейда, Лакана и Деррида.

Классическое киноведение было воспринято через Госфильмофонд, но вскоре показалось слишком узким и скользнуло в сторону культурологии через школу "Анналов", исследование религии и политики и, к сожалению, неоконченный проект книги о специфике российской культуры для издательства Кэмбриджского университета (помешала необходимость заработка денег и увлеченность новыми возможностями

кинофестивалей на рубеже 80-90-х годов). В изменившихся перестроечных обстоятельствах я неожиданно оказался в Комитете по культуре Совета Европы и был на десятилетие вытеснен из культурологии в исследование культурной политики, после чего вернулся в сферу экранной культуры эпохи видеоигр, гаджетов и интернета, так называемой медиалогии. То есть в конечном итоге эта эволюция определялась индивидуальными увлечениями, профессиональными модами, национальными и международными контактами и конкретными заказами или блокировками того или иного времени.

Разлогова Е.Э.

"ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ": ТЕОРИЯ ФИГУР ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Фигуры речи (они же риторические или стилистические фигуры) присутствуют в гуманитарном знании более двух тысячелетий. Эволюция их теоретического осмысления связана как с частными, так и системными изменениями. Мы рассмотрим их в разных аспектах.

1. С точки зрения базовых определений и систематизации понятий – фигуре как таковой даются различные определения, существует множество классификаций фигур по разным признакам. Состав фигур меняется также во времени, появляются новые простые и сложные фигуры. Статус и коннотация некоторых фигур меняется: так метафора и метонимия рассматриваются Р. Якобсоном как исконно языковые механизмы.

2. В отношении расширения области применения – от ораторского искусства к вербальной коммуникации (разговорная речь, поэзия, проза, фольклор), а затем и к невербальной (кино, живопись, реклама, музыка). И, как следствие, бытование теории фигур или ее фрагментов не только в риторике, но и в других областях гуманитарного знания - философии, семиотике, лингвистике, литературоведении, стилистике, психологии, психоанализе, искусствоведении, культурологии и др.).

Теория фигур неравномерно развивалась в разных культурах; специфична ее судьба в отечественной науке. Вопрос о наличии ее аналогов в Китае и Индии остается открытым.

Актуальны также проблемы преемственности и псевдоноваций в этой области (Р. Барт, Ж. Женетт, "Общая риторика" группы μ , с одной стороны, и "новации" когнитивной лингвистики, с другой).

Рылева А.Н.

Я БЫЛ ПОЭТ И ВВЕРИЛ ПЕСНОПЕНЬЮ: РАБИНОВИЧ О РАЗЛОГОВЕ ПРОЛЕГОМЕНЫ К БЕССМЕРТИЮ*

"Ты должен выбрать новую дорогу, -
Он отвечал мне, увидав мой страх, -
И к дикому не возвращаться логу»
Данте

Доклад к 70-летию Кирилла Разлогова.

СЕМИОТИКА: НАУКА, КОТОРАЯ НА СЛОЖИЛАСЬ (ПОКА?)

В 1960-х годах среди советских гуманитариев большую популярность приобрело слово «семиотика» – как имя науки, на которую возлагали большие надежды. В 1962 г. в Москве состоялся «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем». В нем приняли участие виднейшие отечественные ученые, в основном лингвисты и филологи. Из покойных можно назвать П.Г.Богатырёва (1893, Саратов – 1971, Москва), С.К. Шаумяна (1916, Тбилиси – 2007, Лондон), И.И.Ревзина (1923, Стамбул – 1974, Москва), В.Н. Топорова (1928, Москва – 2005, Москва), А.М.Пятигорского (1929, Москва – 2009, Лондон), Ю.К.Лекомцева (1929 – 1984, Москва), Т.М.Николаёву (1933, Ленинград – 2015, Москва), М.Л.Гаспарова (1935, Москва – 2005, Москва), Ю.К.Щеглова (1937, Москва – 2009, Мэдисон, США) и др. Из ныне живущих в том симпозиуме принимали участие, например, А.К.Жолковский (с 1979 г. - в США), А.А.Зализняк, Вяч.Вс.Иванов, М.И.Лекомцева, Е.В.Падучева, Д.М.Сегал (с 1973 г. – в Израиле), Б.А.Успенский, Т.В.Цивьян, В.В. Шеворóшкин (с 1970-х гг. – в США). Это был цвет тогдашних отечественных гуманитарных наук.

Анонимное предисловие к сборнику тезисов начиналось так: «Семиотика – это новая наука, объектом которой являются любые системы знаков, используемые в человеческом обществе». 1 Далее: «Основополагающая роль семиотических методов для всех смежных гуманитарных наук смело может быть сопоставлено со значением математики для естественных наук». 2 И завершалось предисловие утверждением, что семиотика «без сомнения в близком будущем должна занять первостепенное место в ряду новых наук, определяющих перспективы развития современной науки в целом». 3

Трудно сказать, насколько авторы этого текста сами верили в то, что написали. Сейчас эти строки могут быть прочитаны как своего рода фронда, как намеренный эпатаж: официальной «супернауке» – «марксизму-ленинизму» – демонстративно противопоставлялась «новая» «супернаука», как бы игнорирующая официоз. Возможно, в те годы хрущевской «оттепели» кто-то и в самом деле надеялся, что правящую идеологию, «марксизм-ленинизм», можно «перехитрить». Но партийные идеологи оказались достаточно бдительны – и почти сразу пресекли в Москве разговоры о «новой науке». Семиотика нашла себе прибежище в Эстонии, в университетском городе Тарту, где, как известно, ее главным разработчиком стал Ю.М.Лотман (1922, Петроград – 1993, Тарту), который был, помимо прочего, выдающимся специалистом по истории русской литературы 19 века. С середины 1960-х и еще некоторое время в 1970-х в Тарту на «семиотические» конференции съезжались ученые из Москвы, Ленинграда и других городов России. Семиотику тогда полусхотливо определяли так: «То, о чем нельзя говорить в Москве и Ленинграде, но можно – в Тарту». Тартуская семиотика была «ворованным воздухом». Но уже к концу 1970-х семиотика была «освоена» и «приручена» официозом. В семиотики записался даже академик М.Б.Храпченко (1904 – 1986) – и «ворованным воздухом» она быть перестала.

В постсоветское время семиотика у нас не была забыта, но распалась на много разных семиотик. Московский лингвист Е.С.Никитина в своем учебнике для вузов «Семиотика» (2006) написала: «Знания о семиотике пока не носят нормативный характер:

-
- 1 Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 3.
  - 2 Там же, с. 8.
  - 3 Там же, с. 9.

до сих пор продолжают споры о ее предмете и методах ... Справедливым сегодня будет утверждение, что семиотик столько, сколько исследователей называющих себя семиотиками». 4 А московский философ Г.Б.Гутнер в очень информативной энциклопедической статье «Семиотика» (2009) дает семиотике такое определение: «... – междисциплинарная область, в рамках которой исследуются знаки и знаковые системы». 5

Очевидно, что мечта наших «шестидесятников» о новой «супернауке» под названием «семиотика» (если такая мечта действительно была) не осуществилась (пока еще?).

Соколовский Марек

KULTURA KOŃCA ŚWIATA? OD „SPOŁECZEŃSTWA SPEKTAKLU” GUYA DEBORDA DO „CYWILIZACJI SPEKTAKLU” MARIO VARGASA LLOSY

Francuski socjolog i działacz społeczny Guy Debord w książce „Społeczeństwo spektaklu”(1967) przyjął tezę, że we współczesnym społeczeństwie kapitalistycznym alienacja zdominowała życie społeczne, czyniąc je spektaklem, w którym niebagatelną rolę pełnią media. Miejsce tego, co spontaniczne, autentyczne i szczere, zajęły sztuczność i fałsz, a życiem zawładnął towar, również pod postacią „produktów kultury”. Peruwiański pisarz Mario Vargas Llosa, laureat nagrody Nobla, wracając do książki Deborda, którą się inspirował, formułuje własne przemyślenia nad kulturą, która stała się towarem i rozrywką, zarazem ulegając banalizacji. Ludzie, konsumenci dóbr kultury, czytelnicy tabloidów, widzowie seriali telewizyjnych, szukają dziś w taniej rozrywce ucieczki przed nudą, wysoka kultura mediów: prasy, radia, telewizji, kina praktycznie już nie istnieje. „Kultura zabawy” wyparła kulturę wysoką. Dobrobyt, swoboda obyczajów, rosnąca ilość czasu wolnego stały się impulsem do rozwoju przemysłu rozrywki. Demokryzacja kultury, rozszerzenie przez edukację dostępu do kultury zniszczyło kulturę elitarną. Szefowie kuchni, fryzjerzy i styliści odgrywają w cywilizacji spektaklu rolę nadawaną kiedyś genialnym naukowcom, wybitnym poetom, kompozytorom, filozofom. Celebryci zastąpili dziś intelektualistów, w medialnej przestrzeni cywilizacji spektaklu, „błazen został królem” – stwierdza Mario Vargas Llosa. Czy słusznie? Autor opracowania z pozycji współczesnej antropologii kultury i socjologii mediów stara się polemizować z częścią tak postawionych tez.

Abstract

END OF THE WORLD CULTURE? BETWEEN GUY DEBORD'S “SOCIETY OF THE SPECTACLE” AND MARIO VARGAS LLOSA'S” CIVILIZATION OF THE SPECTACLE”

French sociologist and social activist Guy Debord claimed in his "Society of the Spectacle" (1967) that in the modern capitalist society alienation has dominated social life, turning it into a spectacle, with media playing one of the crucial roles. What used to be spontaneous, authentic and sincere was replaced by artificiality and falseness, while control over life was taken over by goods, also under the form of "cultural production". Peruvian writer Mario Vargas Llosa, Nobel prize laureate, revisits Debord's seminal book, which had inspired him, and offers his own reflections on culture that became product and entertainment, and thus turned banal. Today people, consumers of cultural goods, readers of tabloids, and audience of tv series, through cheap entertainment seek escape from boredom; high culture media - press, radio, tv, cinema practically does not exist anymore. "Culture of having fun" has replaced the high culture. Welfare, moral

4 Никитина Е.С. Семиотика. Курс лекций. М. : Академический Проект; Трикта, 2006, с. 283.

5 Гутнер Г.Б. Семиотика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009, с. 853.

laxity, and the increasing amounts of free time stimulated the growth of entertainment industry. Democratization of culture, enlarged access to culture through education, destroyed elite culture. Chefs, coiffeurs and stylists have assumed roles previously occupied by brilliant scholars, distinguished poets, music composers, philosophers. Celebrities substituted intellectuals, and in the media sphere of the civilization of the spectacle "the clown turned into a king" - as Llosa put it. Is he right? The author of this paper tries to challenge some of the thesis presented above from the perspective of cultural anthropology and media sociology.

Соловьев А.В.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПРЕССИОНИЗМ: ЧЕЛОВЕК И ВЕЩЬ»

Довольно сложно переоценить значимость вещи для человека и культуры. Вещь, если отталкиваться от одного из множеств определения культуры как искусственного мира человека, составляет его «плоть и кровь», его материальную функциональную системность и структурность.

Вещь интересна культурологии как культурный текст, как знак и символ, и поэтому носитель значений и смыслов, что чрезвычайно актуально и востребовано в современном постмодернистском дискурсе. С точки зрения семиотического подхода вещь может рассматриваться как способ описания и идентификации человека, что предельно ясно явлено в музейных экспозициях, посвященных конкретным историческим личностям или сообществам.

Вещь всегда воспринимается в актуальном (наличном) культурном контексте и производит на наблюдателя впечатление (impression) в качестве объекта его индивидуализированной культуры. В такой ситуации всякие «объективные» спекуляции вещи становятся принципиально невозможными прежде всего потому, что она исследуется как элемент системы «вещь – человек – культура». Философско-методологические подходы к такому исследованию были сформулированы автором тезисов в 2010 году в Манифесте культурологического импрессионизма:

- «1. Впечатление от объекта – основа культурологического импрессионизма.
2. Нелинейная дискретность и мозаичность – главные принципы культивирования объекта.
3. Культивирование объекта – сугубо индивидуальный и субъективный процесс, основанный на впечатлениях здесь-и-сейчас, а также там-и-тогда.
4. Редукция теоретизирования объекта – путь к его осмыслению.
5. Однако, культурологический импрессионизм не отрицает теоретизирование объекта полностью; он отрицает навязывание теоретизирования.
6. Культурологический импрессионизм решительно отрицает академическое теоретизирование объекта как ведущее к замутнению его индивидуализированного уникального смысла здесь-и-сейчас, а также там-и-тогда, принадлежащего уникальной личности».

В основу такого (культурологического) импрессионизма положено хайдеггерянское философско-поэтическое понимание бытования вещи в ее неразрывности с культурным контекстом и его носителем – человеком, переживающим вещь как часть своего жизненного опыта. Для такого истолкования бытования вещи характерно то, что Хайдеггер обозначает «собственной разомкнутостью присутствия»: вещь все время ускользает от ее целостного описания в область импрессионистического, и, описывая вещь, мы почти всегда (даже в фотографии) заново «создаем» вещь такой, какой мы ее видим, а не такой, какой она является на самом деле. Таким образом, описывая вещь в рамках метода культурологического импрессионизма, человек неминуемо описывает себя, создавая индивидуализированный уникальный смысл вещи здесь и сейчас. Это описание не должно быть строго научным (физическим, историческим, этнографическим и т.д.), поскольку

включение в культурный контекст требует литературно-художественных форм (по крайней мере, жанра эссе), которые позволяют ввести в описание культурные коды и семиотические элементы, являющиеся основой структуры культурного контекста.

Метод культурологического импрессионизма одновременно является и case-study, поскольку включает в себя опыт описания (контекстуализации) конкретной вещи или комплекса вещей, и self-study, поскольку наблюдатель (исследователь), описывая вещь, описывает и собственный опыт «переживания» вещи.

Торпыгина М.Ю.

АБИ ВАРБУРГ И ЕГО УЧИТЕЛЯ

Аби Варбург (1866 – 1929) – один из легендарных ученых, чье творчество оказало значительное влияние развитие науки об искусстве в XX веке. Предложенные им темы и термины - иконология, переселение образов, формула пафоса, продолжение античности - и в настоящее время являются актуальными как для теории и истории искусства, так и для методологии искусствознания. Свою знаменитую библиотеку, книги в которой были расставлены по принципу «доброго соседства», Варбург называл «культурологической», а его завершающий, но незавершенный проект – атлас «Мнемозина» был задуман как «сравнительно-историческая библиотека символов» и «попытка создания науки о культуре с точки зрения истории искусства». Круг интересов Варбурга был довольно широк: от истории и археологии до политики и математики. В нашем докладе мы обратимся к тем, кого можно считать учителями Варбурга, а также событиям и знакомствам, стимулировавшим творческий поиск и развитие научных идей.

Федотова Е.Я.

БИБЛЕЙСКАЯ ЭКЗЕГЕЗА КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИИ: ОТ ДОГМАТИКИ ДО ПОСТМОДЕРНА

Настоящее сообщение содержит краткий очерк развития библейской экзегезы в ее взаимоотношении с культурой и концептом культуры.

Автор исходит из очевидной посылки, что Библия представляет собой корпус литературных текстов, и хотя восприятие их осложнено идеей сакральности, но библейская экзегеза, в конце концов, усвоила себе все существующие литературные подходы. Структуралисты определяют литературу как систему, которая на своих границах соприкасается с другими системами, не литературного, но вообще говоря, культурного характера. Через это соприкосновение осуществляется влияние культуры на литературу, в том числе – библейскую.

Как ни странно, но культурная обусловленность библейского нарратива принималась во внимание толкователями текста уже на ранних стадиях процесса рефлексии Писаний. Гораздо хуже обстояло дело с пониманием того факта, что сама экзегеза всегда подвергалась влиянию общей культурной обстановки, и определялась задачами и мировоззренческой позицией экзегетов. Этот недостаток связан с подавляющим влиянием господствующей идеологии, которая кажется современникам единственно возможным и естественным взглядом на мир. Чтобы увидеть всю условность общепринятой позиции, нужно попасть в другую эпоху, посмотреть на господствующие взгляды «со стороны».

Так случилось в эпоху Просвещения, когда идеи критичности мышления, историчности и эволюции сменили интеллектуальную позицию неоплатонизма эпох Поздней Античности и Средневековья. Соответственно, в библеистике возникли различные школы исторической критики (далее ИК), которые сменили догматический подход и аллегорический метод интерпретации.

Однако подходы ИК встретились с внутренними противоречиями. К тому же, наступление эпохи Модерна ознаменовалось развитием новых литературных направлений (экзистенциализма, формализма, структурализма), которые позволили взглянуть «со стороны» на мировоззрение, определившее подходы к тексту ИК.

В свою очередь, эпоха Постмодерна принесла с собой тотальный релятивизм, который обусловил появление читательского подхода к интерпретации Библии. Все это, с одной стороны, угрожает сделать Библию жертвой произвольных и необоснованных интерпретаций, но с другой стороны, некоторые аспекты постмодернистских методов помогают по-новому, с игровых и эмоциональных позиций, увидеть особенности библейского текста. И уж во всяком случае, позиция Постмодерна позволяет взглянуть «со стороны» на все, что угодно.

Таким образом, были поняты изменения в использовании и восприятии самого языка, обусловленные сменой мировоззренческой парадигмы в различные исторические эпохи; условность и произвольность многих предпосылок, казавшихся ранее очевидными; зависимость результата интерпретации от метода (недопустимая с научной точки зрения). К этому списку можно добавить отсутствие безупречных критериев правильности интерпретации.

В итоге следует признать, что современный взгляд на «культурозависимость» экзегезы помогает осознать факторы, не попадавшие ранее в поле зрения интерпретаторов Библии, но без учета которых интерпретация текстов в принципе не может быть адекватной. А уже понимание проблем подвигает экзегетов к попыткам их согласованного решения.

Хренов Н.А.

К ИСТОКАМ КУЛЬТУРОЛОГИИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ. КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНО – ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ: ПРОЕКТ НОВОЙ НАУКИ ИЛИ ОПРАВДАНИЕ ИМПЕРСКИХ АМБИЦИЙ

В истории науки наступит время, когда будет воссоздана предыстория науки о культуре как особый раздел. В ней существенное место может занять концепция культурно-исторических типов, принадлежащая русскому мыслителю – маргиналу Н. Данилевскому, интерес к которой не угасает вплоть до сегодняшнего дня. Современного исследователя истории науки известное сочинение Н. Данилевского «Россия и Европа» может привлечь многими своими особенностями. Во-первых, новым представлением об истории, расходящимся с тем, что возникает в ХУІІІ веке в контексте мировосприятия модерна, т.е. Просвещения, в частности, под воздействием истории как истории Духа в ее гегелевском варианте, во многом определившем методологию исторической науки ХІХ века, когда появляется сочинение Н. Данилевского. Согласно Н. Данилевскому, история – это история культурно-исторических типов, которых он насчитывал 10. Таким образом, им впервые продемонстрирована возможность рассмотрения истории как истории культуры. Так, ученым был поставлен вопрос и о предмете этой науки о культуре и его историческом функционировании. Во – вторых, если не считать исследователей, разделяющих мировосприятие романтизма, состоящих в оппозиции по отношению к тем, что разделяли мировосприятие модерна, к которым Н. Данилевский в своих представлениях об истории оказался ближе, в своих воззрениях по поводу культурно-исторических типов ученый оказался под воздействием позитивизма. Его открытия, имеющие большое значение для гуманитарных наук, во многом обязаны естественным наукам, к которым он активно обращается, что, кстати, позволяет говорить не только о позитивных, но и негативных сторонах его методологии. Одна из первых культурологических концепций возникает на стыке гуманитарных и естественных наук. В- третьих, Н. Данилевский стоит у истоков не только науки о культуре, но и той научной парадигмы внутри науки о культуре, которую

продолжает О. Шпенглер и А. Тойнби, углубляя и совершенствуя ее. Используя достижения ученых XX века, относящихся к этой парадигме, мы не должны забывать об ее истоках, а она возникла в отечественной науке. Несмотря на научную сторону концепции Н. Данилевского, требующую профессиональной оценки со стороны научного сообщества, книга Н. Данилевского остается по-прежнему актуальной. Но это объясняется не только ее научным аспектом. Исследование Н. Данилевского, к которому не обращались на протяжении всей первой половины XX века, не забыто и вовсе не потому, что сочинение Н. Данилевского - одна из первых теорий культурологического плана, не потому, что это научная теория, как бы к ней не относиться и как бы ее с точки зрения современного состояния науки о культуре не оценивать. Актуальность обращения к ней сегодня объясняется тем, что в ней объединены наука и идеология, теория и ее практическое применение. До тех пор, пока в истории человечества будут возрождаться и существовать империи, она будет востребованной. Ведь книга Н. Данилевского прочитывается как научное оправдание имперских соблазнов и комплексов, как практический проект геополитических взаимоотношений между разными культурно-историческими типами. Оценка этой стороны идей Н. Данилевского должна быть уже критической.

Цукренко О.Н.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ – ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Изменяющийся мир требует адекватного реагирования и теоретического осмысления сути происходящего. На современном этапе развития культуры, по мнению специалистов, можно говорить о формировании нового информационного пространства вследствие интенсивных процессов интеграции знаний. Накопление информации и ее обмен, будучи процессом динамичным и непрерывно/дискретным, приводит к социальным рискам (отставание, шумы, перенасыщение и пр.). Информирование находится в единстве с воздействующим потенциалом текстов, функционирующих в области средств массовой информации, Интернета, телевидения и возможность воздействия на массовое сознание, осуществление регуляции коммуникативного поведения через информирование превращает все источники информации в эффективный инструмент управления массовой аудиторией (К.К. Колин, О.Н.Сухорукова, О.В. Шлыкова и др.). Современное информационное общество, с актуализацией коммуникативных потребностей ее членов, все более погружается в дискурсивное пространство. Дискурс создает особые условия для осуществления процесса коммуникации, обеспечивающего информационное воздействие. Таким образом, явление интертекстуальности составляет важную особенность современного информационного пространства. По определению Ю. Кристевой, интертекстуальность номинируется как общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут разными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. В докладе показывается, что понятие интертекста (как текстовой характеристики), да и сама теория интертекстуальных связей в художественной литературе расширяют сферы данного явления. Интертекстуальность становится явлением, пронизывающим все формы существования дискурса и создающим новую интерпретацию реальности, отличную от предшествующих трактовок. Явление интертекстуальности – непрерывный взаимосвязанный и взаимообусловленный обмен информацией между разными формами информационного пространства, обеспечивающее целостность культурно-исторического процесса.

Шапинская Е.Н.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ (ПОСТ)СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

В докладе анализируется проблема кризиса традиционной системы эстетических ценностей в современной культуре. В этой связи рассмотрен ряд теоретических направлений исследований культуры XX века, рассматривающих различные аспекты данной проблемы (концепции и идеи В.Беньямина, Т.Адорно, П.Бурдьё, Ж.Бодрийяра, представителей школы «культурных исследований»). Прослеживается изменение установки исследователей в связи со сменой общекультурных доминант и становлением постмодернистской теорией, постулирующей исчерпанность культуры и фрагментарность культурного мира. Для того, чтобы понять «эстетическую диспозицию» (термин П.Бурдьё) человека, сформировавшегося в противоречивую эпоху глобализации и постмодернистской фрагментации, доминанции массовой культуры и поисков аутентичности, необходимо вновь обратиться к некоторым теориям, созданным мыслителями XX века, предчувствующих драматичные перемены как в области художественной жизни, так и во всей социокультурной сфере. Особое внимание уделяется проблеме судьбы классического наследия в глобализованную эпоху тотального потребления, а также влиянию новых технологий на искусство, сделавших в результате тотальной дигитализации все мировое искусство доступным «в один клик». Рассматривается амбивалентность результатов этих процессов, связанных с общей проблематикой информационного общества, в частности с виртуализацией культурной сферы. Поднимается вопрос заключается о том, до какой степени изменения, произошедшие в культуре на рубеже веков, затрагивают самую суть человеческого бытия, насколько устойчивы сложившиеся веками культурные формы и эстетические ценности в контексте глобальных перемен, происходящих в мире.

На примерах из современной художественной жизни показана противоречивость процессов информатизации и виртуализации культуры, трансформация эстетических ценностей произведений прошлого в их интерпретациях в массовой культуре и постмодернистских художественных практиках. Делается вывод от необходимости сохранения и формирования эстетической ценностной установки у (пост)современного поколения путем объединения усилий всех специалистов в области культуры и образования.

Шеманов А.Ю.

М.Б. ТУРОВСКИЙ: ОТ «БОЛЬШИХ НАРРАТИВОВ» МАРКСИЗМА К ГЕРМЕНЕВТИКЕ КУЛЬТУРЫ

Марксизм возник как радикальная критика существующего порядка – ответственного за социальное неравенство порядка производственных отношений как фундамента форм его идеологической и политической легитимации, критика, которая с первой половины XX века, в особенности начиная с работ А. Грамши о культурной гегемонии, осознает себя как критика культуры по преимуществу. Этот радикализм, по-видимому, был выражен уже в Марксовом призыве к переходу от теоретической критики к революционной практике: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 1—4). Марксист как теоретик сразу одновременно и практик, т.е. деятель практической критики культуры. Можно предположить, что как способ критики культуры марксизм можно разместить в ряду явлений модерна, который кажется возможным определить как критику существующего порядка с позиции утопии, в данном случае – утопии социального равенства и устранения отчуждения сущностных сил человека на основе ликвидации

частнособственнических производственных отношений. В этом смысле модерн состоит в постоянной критике самого себя, своего собственного порядка с позиций различных утопий. Однако радикальная критика модерна приводит к антимодерну, если происходит отрицание дистанции между теоретической критикой исторических обстоятельств и их практическим изменением в политическом процессе, что оборачивается отрицанием права на критическую позицию в отношении утопии как идеала желаемого общего порядка, а потому отрицанием права на инакомыслие, права на частное мнение, которое держится на признании суверенности теоретической позиции (ср.: Сильвестров В.В. Культура. Деятельность. Общение. М.: РОССПЭН, 1998. С. 411-415). Показательно, что в своей эволюции в условиях западной демократии, т.е. в условиях защиты права на критическую позицию, марксизм стал одним из источников постмодернистской мысли, т.е. мысли, направленной на критику «больших нарративов» - утопий, лежавших в фундаменте идеологий модерна. Кажется, что постмодерн – это по-прежнему критика существующего порядка с позиций утопии – общества, построенного на отрицании понятия «нормы». Вопрос в том, не становится ли утопия вновь «руководством к действию», каким некогда стал марксизм в нашей стране, и тем самым основой идеологии, «большого нарратива» по изменению мира по контурам утопии, ведь постколониальные, феминистские и пр. критические исследования культуры претендуют именно быть непосредственно политикой, причем радикальной. В контексте вопроса об условиях превращения критики как сути модерна в «большой нарратив» идеологии и обратно представляет интерес проследить, как теоретическое развитие М.Б. Туrowsким идей, опирающихся на догматы марксизма, следуя внутренней логике определения мыслью самой себя в своем суверенном движении, привело его к критике ранее принятых основоположений идеологии марксизма и переходу к персоналистической герменевтике культуры.

Штейнер Е.С.

ЗАПАДНЫЙ ЛЕС ВЕЩЕЙ ПРОТИВ ВОСТОЧНОГО ЛЕСА СЛОВ: ВЗГЛЯД СО СРЕДНЕРУССКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

Перед тем, как стать обозначением жанра сборников историй и анекдотов в знатных семействах Польши в 16-18 вв., выражение “*silva rerum*” зафиксировано в речах Цицерона, где означало «собрание вещей» или «запас материалов». На противоположном конце ойкумены, в синосфере, понятие и слово «лес» также широко использовалось метафорически – в частности, в названиях словарей, например, «Обширный лес слов» или для обозначения множества книг («лес книг») или литературных и художественных кругов («лес искусств»). При этом с лесом связывали объекты не материального мира, но семиосферы и ее субъектов – литераторов и людей искусства.

В широком плане, в традиционном западном сознании концепт «лес» содержал негативные коннотации, связанные с мраком и запутанностью – например, «сумрачный (темный, неведомый) лес» (*una selva oscura*) в начале дантова Ада. В наши дни этот образ использует соотечественник Данте проф. Дж. Калца, который, желая сказать, что характер размещения отдельных рисунков в «Манга» Хокусая непонятен и запутан, называет это «иконографическим лесом, сквозь который каждому надлежит пробираться сообразно его собственному разумению». Однако с виду темный и непроходимый лес образов в «Манга» оказывается вполне разумно устроенным, где есть свои тропинки, идущие в заданном направлении, и где никогда тропические пальмы не соседствуют с северной сосной, или ягель с бамбуком. «Лес» японских традиционных текстов отличается, как правило, четким композиционным устройством, которое следует своей особой логике.

Исследование этой логики – или манеры понимать вещи – и составляет в значительной степени предмет культурологии, или – шире – всякого гуманитарного

исследования. Результат его зависит от оптики и инструментария, каковые в свою очередь нередко зиждятся не только на теоретических предпосылках или методологии, но и на обстоятельствах времени и места исследователей. Я буду говорить об этом на примере частного, но показательного и, главное, хорошо знакомого мне материала: изучения искусства и художественной культуры Дальнего Востока (преимущественно, Японии) в позднесоветский и постсоветский периоды.